

Ну, вот и настало время моего рассказа. Я долго думал, как бы его назвать, ведь у любого рассказа должно быть своё название. Исповедь сепаратиста? Но я не считаю себя таковым, я готов и хочу говорить о мире. Даже после всего что видел и испытал, потому, что никакая идея, ни какие революции и перевороты не стоят слёз ребёнка, женщины или мужчины. Была ещё мысль назвать это исповедью со слезами на глазах, потому что нет-нет, а слёзы да мелькнут, в глазах или в голосе. Но потом название пришло само. Ты увидишь его ниже. А пока, пару вещей, на которые я хочу обратить твоё внимание. В ходе рассказа, тебе будет встречаться КАПС, применять я его буду сугубо для выделения, не для крика.

Заранее прошу прощения за много букв, постарайся дочитать до конца, насколько я смогу, я постараюсь дать ответы на твои вопросы, ну или, по крайней мере, ты увидишь, как я дошёл до жизни такой и учтёшь мои ошибки.

Вечера на хуторе близ Диканьки или всё почти по Достоевскому

Мне 43 года. Возраст уже не мальчика. Я вырос в ВЕЛИКОЙ стране. И искренне благодарен ей за то, что она была. Она растила меня, лечила и учила. Мама моя родом из Москвы, но родился я в Одессе. Во время войны их эвакуировали из Москвы. Дед мой Аркадий Тимофеевич Шнайдер прошёл всю войну. Дважды был ранен, но возвращался на фронт. А мой дядя, молодой инженер авиационщик, так и не вернулся с войны. Говорят, пропал без вести, под Сталинградом. Пусть им обоим земля будет пухом.

Мама моя в девичестве Жанна Аркадьевна Шнайдер, еврейка по национальности, работала музыкальным работником в детском саду, отец проработал много лет гальваником. Не скажу, что мы жили богато, но не бедствовали. Детство моё прошло в однокомнатной квартире в коммуналке. Правда, всего одна соседка. Сейчас спустя столько лет, когда её уже нет в живых, я, к сожалению, не помню, как её зовут. Помню только, что говорила она только по-украински и то, что по дому она передвигалась, опираясь на палку. Одной рукой. Второй просто не было. По локоть. Родом она была из-под Львова. Жила в селе. Из всего села выжила только её семья. И сотворили это не немцы. Вечная ей память.

Но тогда, мне розовощёкому карапузу было не до войны. Ребёнком я рос беспокойным, но весёлым. И хоть в моей стране не было Диснейлендов и Мак-Дональдсов, я не чувствовал себя обделённым. Кино, море, цирк. Всюду с дедом. Дед был товарищем по играм, учил меня плавать, рассказывал пусть и скупое о войне. О том, как вернувшись, восстанавливал город и фабрику. Ту на которой работал пока хватало сил и за которую болел всей душой. Всё было хорошо. До тех пор пока я не попал под машину. Перелом позвоночника в двух местах со смещением секции. Больше года в постели. То, что я хожу, а не прикован к инвалидной коляске врачи до сих пор считают чудом. Повторную операцию, которая мне сейчас бы не помешала, на Украине делать уже не берутся. А тогда взяли, правда, мне повезло, в это время по обмену опытом в нашей Еврейке был какой-то профессор из Москвы. Не могу сказать, что моим родителям это нечего не стоило. Конечно, стоило, конечно, они благодарили. Но все было в рамках того, что они могли себе позволить.

В школу я пошёл поздно, но зато ещё до школы я умел читать, писать и считать. И читал я при этом запоем, а что ещё прикажешь делать, если весь твой мир сведён к кровати? Мальчиком я стал более спокойным и рассудительным. Правда, болезненным. После травмы любая зараза липла ко мне как банный лист к мокрому месту.

К чему я это рассказываю, спросишь ты. Отвечу. Видишь ли, мальчиком я был слабым и домашним. Драться не умел, не любил и если честно не умею и не люблю сейчас. Зато придумать или продумать - это ко мне. Кое-каким артистизмом бог вроде не обидел. Да и кое-что из мальчишеских забав не минуло и меня.

Предки мои из московских купцов обладали характером непоседливым и беспокойным. Часть его передалось и мне. И не только характер. Посмотрев на меня можно и цыган найти, и татар, и не только их. Человек я контактный, и характер вроде не сильно склочный. Всегда был лёгок на подъём, хотя с годами и немного отяжелел.

Потому исколесил весь Союз. Да и в Европах тоже побывал. Никогда не забуду улочек Берлина. Первая поездка за границу. Всё такое новое и вместе с тем знакомое. Я просто ходил по

улицам, смотрел на прохожих, заходил в магазины или просто глазел на витрины. Немцы относились к русским по-разному. Чаще всего я слышал «Найн». Я думаю, многие знают, что это означает. Но были и исключения. Никогда не забуду небогато одетую немку, торговавшую домашней выпечки тортом. Торт был вкусный. Денег так и не взяла. Как не просил.

Ленинград, Москва, Вильнюс и Таллин. Я везде был дома, везде встречали как родного. Мы и были родными. Мы все были одной страной. Правильно Путин сказал, тот кто не жалеет о развале Союза не имеет сердца. Но тогда.., тогда ещё никто и в мыслях не держал, что великая страна может пасть.

Но время шло, и к власти пришёл Горбачёв. Перестройка-перестрелка. Лихие 90. Нет, не то, чтобы я не вписался. Вписался и довольно не плохо. Мне даже нравилось. Торговал книгами, стоял на валюте, потом были компьютеры и прочее-прочее.

Мишура и блеск. Гласность! Гулаг! Сталин ел младенцев на завтрак!!! Ленин по ночам ходит по Мавзолею!!! Рука Москвы.

И, как финальный аккорд - развал Союза. Вопреки всему: Конституции. Закону. Желанию людей. Огромная страна связанная экономическими связями, кровью и потом ,была развалена одним росчерком пера. Развалена на отдельные удельные княжества, с князьками во главе. Решившими, что так будет проще и кормушка жирнее.

И ведь у Украины были все шансы.

Развитое сельское хозяйство. Хорошая научная база. Энергетика. Тяжёлая и лёгкая промышленность. Неплохая сырьевая база. Флот. Все долги СССР остались России.

Ну, все предпосылки, что бы жить в шоколаде. Где шоколад? У Пети наверно. 23 года, а толку...

Но не будем забегать вперёд. Лучше заглянем в 2004 год. Майдан. Ах, сколько в этом слове... Скажи - так. Геноцид!! Голодомор!!! СБУ совместно с ФСБ отравило Ющенко. Ци руки ничего не вкрали.

С самого развала Союза я не могу назвать себя патриотом Украины. Но и сильно недовольным я себя назвать не могу. Скорее я любил свой город. Я вместе с ним приспособился. У Одессы был свой колорит, чисто одесский. Он был у неё всегда. Что-то неладное, проявилось с возвращением Гурвица. Я помню первое его мэрство. Он реально старался, что-то сделать для Одессы. Да конечно не без пуха на лице, но и попытки были на лицо. Второй заход был явно хуже. А на фоне разворачивалась эпическая картина развала страны. Полотно расцвечивали - битва между президентом и премьером, полная не сыгранность команды и замечательный газовый контракт.

Тут надо отмотать чуток назад. Дело в том, что ещё до третьего тура, когда уже было ясно, что Ющенко выдавит таки себе место на троне, спешно и специально под него из президентской республики Украину превратили в парламентскую. При полном нарушении Конституции. То ли, что бы пасечник не наломал дров, то ли что бы напихать побольше палок в колёса.

Но, так или иначе, пасечник дал всем прикурить. Тогда же, ещё при нём, появились первые ростки национализма или это я их только тогда заметил, не знаю. Это же надо приравнять воинов УПА к ветеранам Великой Отечественной Войны. И знаешь ведь дали. Это так повелось - ну что я могу сделать, не согласен, но помолчу.

Многие считают, что это было первой репетицией. Но всё имеет свой конец. И это тоже. Князёк слез с трона. И новый владыка объявил, что бюджет пуст. Это вообще национальная забава такая. Каждый следующий садясь на трон объявляет, что предыдущий был мошенник и вор и просрал все полимеры. Цари меняются, но рожи всё те же.

Но вернёмся к Януковичу. Честно царёк из него вышел такой себе. Но мне не мешал. Я к тому времени начал подымать свой очередной бизнес. Начинал с нуля, практически без денег. Но исправно платил налоги, впрочем, как и все 23 года. Государство мне не чем не помогало, впрочем, не мешало и то хорошо. Ближе к 2010 появилась ещё и работа, от которой я не мог отказаться.

И я зачистил в Киев. Собственно очередной майдан меня можно сказать там и застал. Нет, я

не стоял на Майдане. Мне хватило ещё первого раза, что бы понять к чему это приводит.
На улицах замелькали колоритные товарищи. А я вернулся в Одессу.

События начали ускорять свой ход. Аааа... мы не вступили в Евросоюз. Аааа... Плевать, что никто не спросил, а хотим ли мы в Евросоюз. Нет-нет-нет. Мы хотим сегодня, нет-нет-нет, мы хотим сейчас. Что мы не готовы? Страна не выдержит? Аааа... куда смотрел премьер?! На кол премьеря!!!

Студентов разогнали. Показательно жёстко. Как по заказу. Что было до того как разогнали? Да ничего. Ну, ментов побуцкали. Ну, так слегка. А так ничего. Но это было только начало.

Забегая вперёд, хочу отметить. Каждый раз, когда градус замирал, обязательно случалось, что-то, что подымало его только выше. Только так и никак иначе. Только вперёд.

Толпа разрасталась и чем больше она становилась, тем меньше в ней было человеческого. Вот уже кто-то заверещал со сцены, чаёк, печенюшки. Все дела.

Украина це Европа!!! Чуть ли не вместе с толпой скандирует американский посол.

Що, не кричав? А так отчётливо был виден. Что мне надул это в уши Киселёв? Точно? А кто раздавал печенюхи? А к кому там три богатыря попеременно бегали? Какие три богатыря? Ну эти которые Кролик, Боксёр и этот мордатый. К Януковичу? А помимо?

А в это время в лучших традициях Европы запыхали костры, полетели бутылки с зажигательной смесью. И Крым первый раз заявил, что с него хватит. Или это было раньше. Чёрт не помню. События уже неслись такой чехардой, обгоняя друг друга, что уже и не упомнишь всего. Вот только вчера было объявлено, что поход в/на Европу ПРИОСТАНОВИЛИ. А уже сегодня кричит на Майдане толпа.

Что делал я? Я МОЛЧАЛ. Я СМОТРЕЛ...

Нет я всё понимаю. Обещали. Не пошли. Законы от 16 числа. Хотя стоп. А что законы?

Мне они не мешали. Что в масках нельзя ходить? Помилуйте, какие маски? Вандалить нельзя? Так я не вандалю. Я законопослушный гражданин. Фашизм и фашистскую символику запретили? Так снова не ко мне. Государство пыталось защитить себя. Как умело. Пусть косо, пусть криво. Как могло.

А тем временем градус повышался.

Уже заспивала ясновельможна пани Фарион. Уже застрыбав майдан. Москалив на ножи.

Виселица в Ивано-Франковске для зрадников Украины. Уже во Львове захватывают ОДА, да и Киев не отстаёт. Взята военная часть. Львов не признаёт власть Киева. И голосом разума звучит на фоне всего повторное предупреждение Крыма. Но никому нет дела.

Рэволюция набирает ход. Три богатыря уже прочно оседлали бал вакханалии. Кролик кричит про кулю в лоб. А Боксёр уговаривает ментов побуцкаться на камеру. Щёлк. И новый эпизод. Боксёр получает в морду струю огнетушителя. Всё. Уже никто никого не контролирует. Главные участники пьесы уже просто плывут по течению. Парубий вывозит снайперку с майдана. По беркуту и майдану стреляют снайпера. Ставя финальную крапку.

Победа!! Уже мелькает улыбчивая физиономия Парошенка. Рыбой-луной вплывает в кадр Турчинов. Этакий спикеро-президенто-генералиссимус. Кролик теперь с портфелем премьеря. Уже строчат первые законы при полном народовластии. В смысле наплевав на него.

Ты спросишь, а где же я? Ведь рассказ должен был быть о том, как я дожил до жизни такой. Погоди, чуток. Это лишь декорации. Они уже расставлены, сцена подсвечена. Теперь можно и обо мне. Я молчал. Молчал до тех пор, пока не случилось покушение на памятник Ленина в Киеве. Почему? Объясните мне кто-нибудь почему? Чем, чем вам блядь помешал Ленин? Вы устраивали революцию? Так он же тоже! Он в Европу вас не пускал? Я езжу во Львов протестовать против ваших героев? Нет. Он мало сделал для вашей страны? Не было бы его, не было бы Донбасса.

Памятники ему это, то немногое, что осталось от моей страны. И добро бы вы их аккуратно снимали. Нет. Вы глумились над ними как могли. Это было для меня последней каплей. После этого я УЖЕ НЕ МОГ МОЛЧАТЬ.

Я не обязан ничем вашей Украине.
НИЧЕМ. И я вышел. Я НЕ МОГ НЕ ВЫЙТИ.

А национализм и беспредел только набирал свой ход. Вот захлёбываясь кричит Фарион. Вот уже по городам маршируя, идут толпы, крича, что Бендера придёт порядок наведёт. А в моём городе под ОДА стоят женщины и дети, а напротив них строятся колонны людей в бронезилетах и с дубьём.

Я БЫЛ ТАМ. Я ВИДЕЛ. Я не конфликтный человек. Который, НИКОГДА за 23 года не выходил на улицу из-за политики. ВЫШЕЛ. Впервые. Никто из тех, кто стоял рядом не планировал захватов ОДА. Люди просто хотели добиться того, что бы у них в городе не началось. Мы разошлись. Это был первый раз, когда Одесса нагнула голову. Ещё только нагнула. Но начало было положено. Нас слили. Иначе я это назвать не могу. Одесса ещё надеялась договориться. После этого я впервые уехал в Крым. Просто посмотреть.

Я люблю Крым. Если бы можно было перенести Одессу в Крым, то я бы нигде больше жить не хотел. Это было ещё «до». Но я отвлекся. Крым был готов. Для Крыма, как и для меня всё было однозначно. Эта не его Украина. Не та.

Мы понимали друг друга. Молчаливый диалог улиц и мыслей совпадал. Мы думали в унисон. Сонные улицы, закрытые кафе. Молчаливый порт. Готовый к бою организм. Один город на весь полуостров. И один человек. Вы когда-нибудь были в городе перед войной? Я был. Я ВИДЕЛ. И УЖЕ НЕ ЗАБУДУ.

Не забуду кучек татар. Улыбок друзей. Водки на подоконнике. И тлеющих сигарет.

Не забуду медовухи, припрятанной совершенно к другому случаю кем-то из друзей. Медовухи, которую я варю сам. Я пробыл в Крыму недолго. Но мне хватило. Нам хватило. Нам обоим. Я уехал. Оставив Крыму злость. Она ему была нужнее. Мне тогда ещё нет. Я вернулся в Одессу. Лагерь на Куликовом поле уже стоял. Уже набирались дружины. Я записался. Пришёл на первый сбор. Знаете, из кого состоял отряд "боевиков"? Из стариков и детей. Под громким названием - Народная дружина - собрались старики и дети. Первый сбор вылился в муштру. Колона по два. Колона по три. Равняйся. Смирно. Для чего? Зачем? Не знаю. Может так надо. Возможно, стоило остаться. Но я не остался. Я приходил. Я был на многих маршах. Я подрывался, когда приходила информация, что к нам придут. Я приходил не против, я приходил за. Если бы не ваш национализм, замешанный на русофобстве.

Если бы не ваши публичные люди типа той же Фарион. Если бы вы слышали кого-то кроме себя. Я бы простил. Тогда ещё да. Даже тогда я выходил не против вас. Я ХОТЕЛ, ЧТО БЫ КТО ТО ИЗ ВАС УСЛЫШАЛ, услышал, что есть другие. Кто не хочет ТАКОЙ Украины. Но курс уже был определён. Те, кто посадил на трон новую власть, уже не хотели остановки. Марш уже начался.

Я уезжал в Крым и приезжал обратно в Одессу. Крым встречал меня. Успокаивал и заботливо провожал обратно. Два мира. Два таких разных мира. Думаете, Крым отделился в марте? Нет, панове. Крым отделился раньше. Референдум был лишь констатацией. Я был на нём. Я ВИДЕЛ.

Говорите это всё русские? Нет. Очереди, что бы проголосовать никто не сгонял. Не было акkuratных стопочек бюллетеней. Люди шли сами. А кто-то и не шёл. Не потому что был не согласен. Просто не шёл. Потому, что работал. Потому, что дом. Таких было не много.

Забегая чуток назад. Хочу сказать. Да, ВВП помогли, не спорю, но Крым был готов. Он бы справился и без них. С кровью и потом. Измазавшись в грязи, вгрызаясь в камень. Об этом говорили глаза людей. Беркутовец лежащий в больнице. Он не говорил, он был просто знаком. Напоминанием. Крым смотрел на него и понимал всё. Молча. Без слов. Потому что такое нельзя стерпеть. Искусанные по-детски пухлые губы. Бинты в пол лица. И плачущая мать. Именно поэтому, а не из-за Путина ушёл Крым. А вы тем временем продолжали стрыбать. И кричали слава Украине!!! Кричали, а Крым стоял и слушал и хмурился.

Он-то уже знал, на чём зиждется ваша слава. Уже вернулись автобусы с Киева. Точнее люди. Кому повезло. Уже первые 300 дошли. Уже сгущался и тяжелел воздух, как и в Одессе. Только

в Крыму он тяжелел от укора, а в Одессе его наполняла ненависть. Ненависть была повсюду. Она обволакивала дома, тихо крадучись проникала в головы и души. Уже по Пушкинской шла толпа, неся красно-чёрные флаги. Уже звучало чужеродное тут файно вместо гарно. А на Куликово предчувствуя беду, все плотнее друг к другу жались люди.

Старики и дети, гопота и нефоры. Ролевики и истфехи. Одесситы. Русские. Даже если татарин или цыган, молдаванин или румын, казак или еврей. Одна нация, один народ.

А как же оружие? Как же русские боевики? Я не знаю. Я НЕ ВИДЕЛ. Не потому, что не хотел. А потому, что не было. За пару дней до 2 мая к нам как-то ночью пришли. Их никто не трогал. Не бил. Просто стала шеренга между ними и женщинами. Молча. Они ушли. До финала уже недалеко. Но тогда ещё об этом никто не знал. Я боролся с ненавистью, как только мог. Чёрный список достиг 80 человек. Я практически перестал читать новости.

В Крым я уезжал всё на более долгое время. Думал ли я тогда переехать совсем? Не знаю.

Я не помню, когда первый раз подумал об этом. Я помню только, когда окончательно решил - и двух мнений уже не было. Я уехал в Крым перед вторым мая. Как раз второго вернулся. Уставший с дороги я пришёл на Куликово. Одесской дружины нет. Казаков купили, они уехали на 411 батарею. Контраст. Радостные люди в Крыму. Демонстрация. Чистота. Набережная Севастополя. Торговцы флажками, шариками, флагами и прочим. Люди с георгиевскими ленточками и кое-где пусть и редко с жёлто-синими. Не потому, что нельзя. Потому что большинство уже всё поняло. Только в детстве я помню такие демонстрации, только в детстве. Когда выходили не за галочку. А потому, что праздник. Крым радовался. Просто радовался жизни, не глядя назад. Потому, что для него позади не осталось ничего.

Я ушёл спать. Пришёл на площадь я около 2 часов. На площади были старики, женщины и дети. Забегая вперёд - скажу. НИКТО ИЗ НИХ НЕ СТРЕЛЯЛ. Ни кто из них даже в центре не был. НИКТО. Озабоченные лица. Тревога. Отставной моряк пенсионер, хромой и с палочкой. Старушка с сумкой. Всего около 400 человек. И шёпот. В центре бой. Город перекрыт. Говорят одесская дружина всё начала. А где народная? Ушла на помощь. Ой, не надо было наверно. А что бросить их там одних? Провокация. Такое простое слово. Только одно. На всю площадь.

Как я не ушёл в город я не знаю. Чудом наверно. А ещё потому, что на площади были женщины, дети и старики.

И Толя. Анатолий Калинин. Среди ролевиков известен был как Мерлин.

Я зачастую называл его Мэром. Светлый, очень незлобивый человек. Хороший товарищ. Нас было немного. Мы встали в дозор. И уже уйти было нельзя. Просто нельзя. Никак. А что шановне панство. Вы бы ушли? Кто бы ушёл?

Но ведь ватники, колорады. Начали первые. Ну? Давайте. Скажите мне кто бы ушёл?

Я уходил на площадь и возвращался на пост. Знал, что если начнётся месиво, в лучшем случае мне светит больничка. Астма, позвоночник, много раз ломаная ключица. Ну, какой с меня боец? Но уйти я не мог. Ни один человек не ушёл тогда с Куликова. По уму бы надо было, уйти. Схорониться.

Переждать. Но то по уму. На самом деле уйти не мог никто. Все понимали, что будет. Но уйти нет. Строили баррикаду, через которую можно было перешагнуть. Готовили бинты и аптечки. Делали что-то ещё. По дозору передали, что в случае чего отступаем в Дом Профсоюзов. Не знаю, кто был этот стратег. Потянулись люди с центра. В бинтах, в крови. Шли группками. Те, кто вырвался. Кто уцелел. Было ли мне страшно? Было. До усцычки. Черета понурых людей. И где то там, в городе, идущая сюда толпа.

Идущая убивать. Через минут сорок они пришли. С моей стороны. Я побежал. Мне надо было успеть. Предупредить. Так быстро я не бегал никогда. В здание я не пошёл. Чудом. Почему? Не знаю. Как удержал кто. А Толик зашёл, что бы остаться там навсегда. Всего две четырёхзначные цифры 1976-2014.

Всего две даты.

Нас таких не зашедших было двое. Нет, наверно, были ещё. Не знаю. Мы обошли здание. С чёрного хода, через внутренний дворик к забору бежали двое. Дедок в пиджаке с планками орденов и женщина. Попытались перелезть. Колючка мешала. Помогли. Это были те немногие, кто

уцелел. Из-за здания выбежало двое. Один тащил покрышку. Увидели нас. Бросили и убежали. Через минуты три вырулили обратно. Уже человек шесть. В конце аллеи стояли менты. Бросились к ним. Сначала не хотели пропускать. Прорвались с криками: "Свои" За нами гнались. Парня затолкали за толпу ментов. Меня прикрыл собой мент.

Подбежали трое. Потребовали отдать. Кричали, что мы сбежали из Дома Профсоюзов. Милиционер затолкал меня в автозак, и прикрыв собой дверь посоветовал им идти на хуй. Так и сказал. Медленно и чётко. Почти по слогам. Так я остался живой. Меня отбили менты. А из-за здания подымался дым. Ветер приносил какой-то стук, крики и звон стёкол. Дверь в автозак никто не закрывал. Поэтому я слышал. Меня отвезли домой. Отвезли на патрульной машине. Молодой курсант. Ехали молча. Он продежурил до утра. Кто из нас кого спас, я не знаю. Ночью мне позвонили. Мэрлин пропал. Телефон не отвечает. Я звонил до утра. Пока не сел телефон. Его телефон. Я не спал всю ночь. Шерстил интернет. Искал хоть что-то. А на меня лилась грязь. Вот кучка уцелевших, а вокруг толпа. Вот заталкиваемый обратно человек с криками: "Русский гори!" Вот знакомый мне Александр Даманский, он же «Мамонт», он же «Следопыт» хвастается в контакте, что он был на Куликово и просит фоточки покрупнее. Жареные калорады в собственном соку. Вот что писали в сети. И ЭТО Я ТОЖЕ ПОМНЮ.

Третьего числа уцелевших пошли вызволять. Центр города оцепили. Шеренги милиции поперёк Советской Армии. Со щитами, в шлемах и брониках молчаливо стояли менты. И вдруг как гром среди ясного неба. Первый вышел из строя и о булыжник зазвенел брошенный щит. Потом был второй, третий, четвёртый. Щиты падали один на другой звеня набатом. Звон летел к небу, отражался от него, ударялся о дома. Срывая щиты и погоны, украинская милиция превращалась в русских парней. ОДЕССИТОВ. Тех, кто иначе не мог. Тех, кто помнил, кому он присягал. Это был последний громкий жест Одессы. Последний громкий. Но когда тебе скажут, что Одесса сдалась, что бузит только Донецк

Луганск, не верь. Они врут. Более того я тебе скажу, часть тех кто пришёл тогда на Куликово поле уже никогда не станут в их ряды. Всё больше людей просыпается, обретают разум и понимают это путь в НИКУДА.

Я был там, на Куликовом, огромное выжженное здание. Полное пепла, гари и боли. Заходил него десятки раз. И всякий раз, когда я был внутри, волей неволей выпрямлялась моя спина, втягивался живот, дыхание становилось ровнее, а шаг твёрже. Я заходил десятки раз и часами бродил слушая тишину. На видео, в сети и статьях. И НИКОГДА В РЕАЛЕ. Так и не смог Толика хоронили шестого мая. Я пошёл. Сказать, что пришло много людей это не сказать ничего. Были

те кто знал его по Куликово и те кто раньше. Разных политических взглядов, конфессий, национальностей. Разные люди с одним горем на всех. Осталась теряющая зрение жена и дочка. И память.

Девятого мая я уехал в Крым. В 22.40 поезд оттолкнулся от перрона. А во дворе на Канатной осталась не брошенная бутылка. Второй этаж. Большой балкон. Так легко попасть.

Я уезжал. Навсегда. За окнами, где-то там позади догорала моя Хатынь. Я ещё буду несколько раз возвращаться в Город. Может быть, я приеду в него потом. Крым исцелил меня, в который раз. Молча. Спокойно. Заботливо. Потихоньку вынимая ненависть. Я уже более-менее нормально сплю. Мне не мерещится запах гари. Я не выделяю в толпе людей в камуфляже, с короткой стрижкой или в спортивном костюме. Но из дома пустой не выхожу. Никогда.

Вместо послесловия.

Я с удовольствием встречу кого-то из вас в Крыму, если приедете с миром. Проведу по городу, свожу на пляж и по магазинам.

Даже крикну "Слава Украине" Не потому, что слава, а что бы вы убедились в том, что тут обычные люди, поставлю на стол русских пельменей и бутылочку украинской горилки. Или своей медовухи. С удовольствием посижу с вами, глядя на моря. Помолчу и повспоминаю то время когда Украина была

Я готов говорить с вами о мире, не о том который вы хотите навязать. Одинаковым. Сером. Но о том, в котором мы бы смогли жить все. Потому, что за этот мир мы заплатили кровью и гарью. Но если вы придёте сюда качать права... Я не буду колебаться. Я пойду добровольцем. Да, скорее всего я не дойду до Берлина.

Но постараюсь уйти ни один. Кого-то я прихвачу с собой. Если бог даст, то и не одного. Я ПОМНЮ. Я ГОТОВ. Я ЖДУ. Отступать мне некуда. Позади Москва.

P.S. Рассказ написан с 2.00 ночи и до 12.39. В него вошло далеко не всё.

Кое-что осталось за кадром. О чём то, я могу рассказать в личку, о чём то, не расскажу никогда.

Авторские права оставляю за собой.